

На правах рукописи

ШАХОВА Марина Андреевна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
КАК ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ
(дискурсивные практики иммигрантов в современной Германии)

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2018

Работа выполнена на кафедре теории языка и перевода ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Научный руководитель –

Миловидов Виктор Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода, ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Официальные оппоненты:

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе ОЧУ ВО «Московская международная академия».

Самохина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ВА ВКО имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Ведущая организация –

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Защита состоится «__» _____ 2018 года в ____ час. ____ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, Тверь, ул. Володарского, 44.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170100 г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, учёному секретарю диссертационного совета Д 212.263.03.

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

М.В. Оборина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое исследование посвящено изучению форм лингвокультурной адаптации как средству аккультурации иммигрантов из Турции и России, прибывших в Германию в период с 1950 по 2015 год, а также вопросам взаимодействия языка иммигрантов и «принимающего» языка в контексте данных адаптационных процессов.

Исследование мотивировано необходимостью изучения проблем, связанных с массовыми миграциями населения, нахождения оптимальных стратегий лингвокультурной адаптации иммигрантов, а также анализа процесса взаимодействия языков в контексте современного глобализирующегося мира. Германия, где для 22,5% населения характерно миграционное прошлое, предоставляет удобный материал для подобного исследования. Кроме того, в период с 2015 по 2017 гг. Германия стала принимающей страной для более 1.350.000 беженцев, в основном из Сирии, Афганистана и Ирака, которые должны пройти период адаптации, в том числе и языковой. Таким образом, вопрос лингвокультурной адаптации иммигрантов, особенно для немецкой культуры и языка, в настоящий момент не только не теряет своей актуальности, но и обретает особую остроту.

Пока сложно рассматривать вопросы лингвокультурной адаптации иностранцев, прибывших в Германию в результате обострения военных действий на Ближнем Востоке в 2015 году, – их статус и мотивация к переселению обусловлены кризисными процессами в геополитике, которые сами по себе нуждаются в осмыслении. Настоящее исследование строится на анализе особенностей языка иммигрантов более ранних миграционных потоков, где военно-геополитический компонент отсутствует и где в среде переселенцев наблюдается достаточно традиционная мотивация к миграции и аккультурации.

В условиях иммиграции возникает необходимость лингвокультурной адаптации иммигрантов. Лингвокультурная адаптация является средством аккультурации. Вариативность степеней адаптации определяет степень интеграции иммигранта в культуру и выбираемые им стратегии аккультурации, а также типы его культурно-речевого поведения.

Явление миграции обуславливает возникновение ситуации языкового контакта. В работе исследуются контакты русского и немецкого, немецкого и турецкого языков в условиях лингвокультурной адаптации самых многочисленных групп иммигрантов, прибывших в Германию. При этом прослеживается динамика развития языка иммигрантов от стадии освоения второго языка до возникновения языковых вариантов, базирующихся на креативном использовании ресурсов двуязычия и многоязычия. Вместе с тем язык иммигрантов оказывает влияние на социокультурную жизнь страны и на развитие современного немецкого языка, находит отражение в художественном творчестве граждан Германии.

Этот двусторонний интерференционный процесс интересен не только сам по себе. В значительной степени он отражает бытие многих языков в

современных условиях интенсивной миграции населения в век глобализации. Поэтому изучение меняющейся языковой «карты» Германии может способствовать и решению более широких проблем, относящихся к современной глобальной языковой ситуации.

Язык иммигрантов Германии в том или ином виде уже становился объектом исследования зарубежных и отечественных лингвистов. Однако исследования касались лишь отдельных аспектов данного вопроса, целостных же, комплексных исследований данного вопроса еще не было.

Актуальность исследования определяется: 1) необходимостью дальнейшего развития антропоцентрической научной парадигмы в лингвистике; 2) современным интересом науки к проблемам изучения языковой личности, функционирование которой происходит под влиянием двух и более культур и языков; 3) востребованностью научных изысканий в области взаимодействия языков и способов речевого поведения, теоретических и практических проблем лингвокультурной адаптации иммигрантов в современном глобализирующемся мире.

Объектом исследования выступает специфический язык иммигрантов, формирующийся в рамках немецко-турецкого и немецко-русского языковых контактов в Германии в период с 1950-х по 2015 гг.

Предмет исследования – процессы межъязыковой интерференции и особенности новых языковых образований как форм лингвокультурной адаптации и аккультурации иммигрантов в Германии.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что формы лингвокультурной адаптации иммигрантов коррелируют с выбираемыми ими стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения: в случае успеха лингвокультурной адаптации иммигрант выбирает конструктивные стратегии аккультурации, в случае неуспеха – неконструктивные, при этом особенности лингвокультурной адаптации выражаются в специфических чертах новых языковых образований, используемых иммигрантами и реализуемых на всех уровнях языка

Цель исследования состоит в выявлении форм лингвокультурной адаптации иммигрантов в современной Германии и соотнесении их со стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения иммигрантов.

В соответствии с намеченной целью при проведении исследования предполагается решить следующие конкретные **задачи**:

1) уточнить понятие лингвокультурной адаптации, рассмотреть стратегии аккультурации и типы культурно-речевого поведения иммигрантов как формы дискурсивной практики;

2) оценить культурно-языковую дистанцию между немецким сообществом и исследуемыми группами иммигрантов;

3) рассмотреть основные подходы к исследованию форм лингвокультурной адаптации (двуязычия, диглоссии, формирования новых языковых вариантов – этнолектов, мультиэтнолектов, социодialeктов);

4) проанализировать системные отличия немецкого, русского и турецкого языков, выявить объективные факторы и результаты межъязыковой интерференции в рамках исследуемых языковых контактов;

5) описать характерные черты языковых вариантов, возникающих на основе немецко-русского и немецко-турецкого контакта, выявить особенности их употребления;

6) установить соотношение форм лингвокультурной адаптации и стратегий аккультурации, а также типов культурно-речевого поведения, выбираемых иммигрантами в Германии.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили работы:

– по теории межкультурной коммуникации: Д. Берри, Р. Редфилда, Р. Линтона, М. Херсковица, А.М. Падиллы, У. Переза, К. Додда, Х. Пфандля, А.П. Садохина, В.В. Матвеевко, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедевой и др.;

– по теории усвоения второго языка в естественной среде: Р. Эллиса, Г. Джайлса, Д. Шуманна и др.;

– по теории языковых контактов, двуязычия и интерференции: И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, У. Вайнрайха, В.Ю. Розенцвейга, Л.М. Умана, А.Д. Швейцера, Э. Хаугена, Ж. Баганы, Ю.А. Жлуктенко, В.Д. Бондалетова, Н.Б. Мечковской, А.А. Залевской, Ю.Д. Дешериева, Ю. С. Блажевич, М. Уи, Ч. Фергюсона, Н.Н. Рогозной, М. Дебрени и др.;

– по контрастивной лингвистике: А.А. Реформатского, Н.А. Баскакова, А.С. Аврутиной и В.Г. Гузева, Б.А. Абрамова, А.Л. Зеленецкого и П.Ф. Монахова, А.Н. Кононова и др.;

– по социолингвистике и германистике: В.И. Беликова и Л.П. Крысина, В. М. Жирмунского, Е.В. Перехвальской, И. Кайм, Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки, Р.Т. Белла, К.С. Федоровой, П. Ауэра, В.В. Ждановой, Я. Андруцопулоса, Х. Визе, Х. Джаноглу, Х. Кусе и М. Шарлай, В. Клейн;

– по теории дискурса и дискурсивных практик: Н.Д. Арутюновой, Б.М. Гаспарова, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, З. Харриса, других отечественных и зарубежных лингвистов.

В работе нашли применение следующие *методы* лингвистического анализа: метод сплошной выборки, индуктивно-дедуктивный метод, позволяющий осмыслить и обобщить соответствующий теоретический и практический материал, сравнительно-сопоставительный метод, метод тематической классификации, контекстный анализ, функционально-семантический анализ, лингвостилистический анализ, дискурсивный и прагмалингвистический анализ.

Материалом для исследования послужили более 120 текстов и текстовых фрагментов на немецком, русском и турецком языках, а также на этнолектах, мультиэтнолектах и социодialeктах, ставших объектом исследования. В результате было проанализировано более 430 «рече-языковых фактов». Тексты были собраны из публицистики и художественной литературы иммигрантов, Интернет-форумов, цифрового корпуса кич

(Kiezdeutschkorpus), социолингвистических исследований, находящихся в свободном доступе.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка системного структурно-функционального описания культурно-речевых (дискурсивных) практик и языка иммигрантов Германии. Анализируется связь форм лингвокультурной адаптации двух самых многочисленных групп иммигрантов с выбираемыми ими стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения. Впервые определяется потенциал к лингвокультурной адаптации турецкоязычных и русскоязычных иммигрантов путём оценивания культурно-языковой дистанции между ними и принимающим сообществом, а также посредством выявления объективных факторов интерференции в ситуации немецко-турецкого и немецко-русского контакта. Дается комплексная характеристика дискурсивных практик иммигрантов на разных языковых уровнях, а также функций их употребления в присутствии им речевом репертуаре. Прослеживается динамика развития языковых вариантов и их использования в художественном творчестве жителей Германии. Предлагается схема соотнесения форм лингвокультурной адаптации со стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения иммигрантов.

В результате проведенного исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие положения.**

1. Лингвокультурная адаптация иммигрантов реализуется в рамках избранных ими дискурсивных практик (способов и форм культурно-речевого поведения) и коррелирует с выбираемыми ими стратегиями аккультурации.

2. Формой лингвокультурной адаптации, наряду с двуязычием (многоязычием) и одноязычием, выступает формирование новых языковых вариантов, основанных на интерференционном контакте двух и более языков.

3. Особенности лингвокультурной адаптации иммигрантов находят выражение в специфических фонетико-фонологических, лексико-семантических и грамматико-синтаксических чертах новых языковых образований.

4. Языковые варианты, основанные на немецко-турецком и немецко-русском языковом контакте, широко используются в художественном творчестве в качестве средства социально-этнического маркирования образа повествователя или персонажа при создании художественных произведений.

5. Типология форм лингвокультурной адаптации в языковых вариантах, основанных на немецко-турецком языковом контакте и соотносимых со стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения, может быть представлена в виде следующих схем:

- неуспешная лингвокультурная адаптация – язык рабочих-гостей – «сепарация», «бегство» – антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения;

- кризис лингвокультурной адаптации – «Канак шпрак» – «маргинализация», «борьба» – антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения;

- успешная лингвокультурная адаптация – мультиэтнолект киц – «интеграция», «гибкость» – мультикультурный тип культурно-речевого поведения.

6. Немецко-русский социодialekt представляет собой форму поддержания этнокультурной принадлежности и способ плавной лингвокультурной адаптации.

Теоретическая значимость работы обусловливается тем, что исследование вносит вклад в разработку теории лингвокультурной адаптации, межъязыковой интерференции, двуязычия и диглоссии, а также методик анализа процессов межъязыкового и межкультурного взаимодействия в условиях глобализации и интенсификации миграционных потоков в современном мире. Теоретические результаты настоящего исследования могут быть использованы при анализе процессов лингвокультурной адаптации, аккультурации в других регионах мира, с участием других языков, а также при дальнейшей разработке теории языкового контакта и межъязыковой интерференции. Работа углубляет теоретическую и практическую базу исследований в области социолингвистики, а также сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её результатов при изучении межъязыковых контактов, в теории и практике лингвокультурной адаптации, интеграции и аккультурации иммигрантов. Результаты исследования могут быть использованы в процессе обучения специалистов соответствующего профиля, а также положены в основу вузовских курсов и спецкурсов по теории языка, стилистике, различным аспектам сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, германистики.

Работа прошла следующую **апробацию**: диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета. Основные положения исследования излагались в рамках Международных научно-практических конференций «Языковой дискурс в социальной практике» (г. Тверь, 4-6 апреля 2013 года и 1-2 апреля 2016 года) с последующей публикацией материалов.

По теме диссертационного исследования опубликовано 8 статей общим объёмом 2.6 п.л., 3 из которых – в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК МОН РФ.

Цели и задачи определили **структуру работы**: помимо введения, текст диссертации состоит из трёх глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность, теоретическая и практическая значимость работы, её цели, задачи, гипотеза, а также положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Лингвокультурная адаптация и аккультурация иммигрантов в современной Германии: вопросы теории» рассматривается соотношение феноменов и понятий межкультурная адаптация и аккультурация; с опорой на методы социолингвистики и лингвокультурологии выявляется характер отношений между немецким сообществом и группами иммигрантов; приводится и уточняется существующая в науке типология стратегий аккультурации и лингвокультурной адаптации; даётся социологический очерк иммиграции в Германию; выдвигается гипотеза относительно способов культурно-речевого поведения иммигрантов из Турции и России.

Показано, что в контексте охвативших весь мир процессов глобализации иммиграция становится чрезвычайно актуальным явлением. Причинами иммиграции в Германию с начала второй половины XX в. явились нехватка малоквалифицированной рабочей силы в быстро развивающейся послевоенной Германии и вынужденный её импорт, политика правительства по возвращению на историческую родину этнических немцев, а также лояльная политика по приёму политических беженцев. Самыми многочисленными группами иммигрантов явились в это время турки и этнические немцы из стран бывшего СССР.

В качестве рабочего определения понятия лингвокультурная адаптация в диссертации выбрана следующая формулировка: это приобретённые языковые и культурные навыки, которые позволяют индивиду функционировать в новой культуре в соответствии с ценностями, обычаями, правилами поведения, языком, которые присущи большинству в этой культуре [Padilla, Perez [http](#)].

Лингвокультурная адаптация иммигрантов и выбираемые ими стратегии аккультурации взаимно определяют друг друга. Выбор конструктивных (интеграция, ассимиляция, гибкость) или неконструктивных (сепарация, маргинализация, бегство, борьба) стратегий аккультурации зависит от социальной и психологической дистанции иммигранта от принимающего сообщества. В результате сравнительного анализа степени культурной дистанцированности турок и русскоязычных иммигрантов от принимающего немецкого сообщества турецкая диаспора была оценена как более дистанцированная. Представители турецкой диаспоры более предрасположены к антиассимилятивному типу культурно-речевого поведения, что объясняется объективными факторами культурного и языкового свойства.

Сложности лингвокультурной адаптации представителей турецкой диаспоры в Германии обусловлены принципиальными культурно-религиозными различиями, разделяющими немецкую и турецкую лингвокультуры, ошибками в немецкой иммиграционной политике,

отсутствием системы своевременных интеграционных мер, которые обеспечивали бы адаптацию иммигрантов к новым условиям проживания. Кроме того, ввиду существования в крупных городах Германии достаточной инфраструктуры на родном языке иммигрантов у них отсутствует необходимость быть вовлечёнными в немецкоязычную культуру, говорить на немецком языке. Низкий уровень лингвокультурной адаптации первого поколения турецкоязычных иммигрантов и геттоизированный способ их расселения в свою очередь предопределили возникновение сложностей на пути к лингвокультурной адаптации у второго поколения турок в Германии, которые хотят быть более интегрированными в принимающую культуру, добиться в ней определённого положения. Успешность лингвокультурной адаптации при этом играет одну из ключевых ролей, определяя шансы молодого поколения турок на получение образования и обретение удовлетворительного социального статуса.

Русскоязычные иммигранты в Германии демонстрируют более успешную интеграцию в немецкое общество, что объясняется большей, чем в первом случае, культурно-религиозной общностью иммигрантов и коренного населения, а также спецификой самосознания приезжих, которые идентифицируют себя как немцев. Лингвокультурная адаптация переселенцев старшего поколения, однако, является неполной, что вызывает проблемы в сфере профессиональной интеграции. Для представителей второго поколения русскоязычных иммигрантов характерен ассимилятивный тип культурно-речевого поведения.

Данный в первой главе исследования детализированный социологический контекст крайне важен для рассмотрения межъязыковых контактов на территории современной Германии и процессов интерференции языков, которая стала причиной появления ряда симбиотических языковых систем, активно развивающихся на фоне современной языковой «карты» Германии.

Во второй главе «Теоретические основы изучения языковых контактов в современной Германии» раскрывается проблематика теории языковых контактов с детальным рассмотрением теоретических аспектов двуязычия, диглоссии и интерференции как фактора формирования двуязычия в ситуации немецко-турецких и немецко-русских языковых взаимодействий; описывается место сравниваемых языков в генеалогической и типологической классификации; анализируются объективные факторы интерференции при немецко-турецком и немецко-русском языковом контакте. Во второй главе также дана функциональная типология языковых образований в ситуации немецко-турецких и немецко-русских языковых и культурных контактов, раскрыта специфика дискурсивных практик как сферы реализации межъязыковых контактов.

Показано, что положение рассматриваемых групп иммигрантов – это балансирование в точке соприкосновения двух или даже нескольких культур и языков. В процессе лингвокультурной адаптации иммигрантов ситуация

языкового контакта становится очевидной. Результатом контакта языковых систем, с одной стороны, может оказаться дискурсивная ситуация, в рамках которой осуществляется переключение с одного контактирующего языка на другой, или же, с другой стороны, слияние языков в единую систему. В первом случае при языковом контакте может развиваться двуязычие. Вторым интересным вариантом лингвокультурной адаптации иммигрантов является смешение языковых систем и создание новых языковых вариантов. И то, и другое способствует развитию в Германии многоуровневой системы диглоссии (полиглоссии), основанной на ресурсах билингвизма или мультилингвизма, и включению социолектов, этнолектов, мультиэтнолектов в языковой репертуар членов немецкого общества. Более того, две означенные формы языковых контактов и взаимодействий в реальной практике, как правило, совмещаются.

При овладении вторым языком (далее – Я2) иммигранты испытывают интерферентное влияние первого языка (далее – Я1) на всех лингвистических уровнях. Место сравниваемых языков в генеалогической и типологической классификации, объективные факторы интерференции при немецко-турецком и немецко-русском языковом контакте позволяют определить сложности при освоении немецкого как Я2 и турецкоязычными, и русскоязычными иммигрантами.

Русский и немецкий языки в соответствии с генеалогической и типологической классификациями являются более близкими, чем турецкий и немецкий. Таким образом, можно предположить, что у турецкоязычных иммигрантов возникает больше сложностей при освоении немецкого языка ввиду основательных системных различий Я1 и Я2.

В случае и немецко-русского, и немецко-турецкого контакта существует значительное количество объективных факторов интерференции. На уровне фонетики это объясняется различными наборами фонем в рассматриваемых языках. Отметим, что ввиду развитого сингармонизма в турецком языке фонетическая интерференция при немецко-турецком языковом контакте потенциально может быть более сильной, чем при русско-немецком.

На уровне грамматики объективные факторы интерференции при немецко-турецком языковом контакте также оказываются более значительными, чем при немецко-русском. Это обусловлено, с одной стороны, более далёкой дистанцией в генеалогической классификации, с другой стороны, разными типами морфемного устройства немецкого и турецкого языков. Значительную сложность для освоения представляют грамматические категории, которые присутствуют в немецком языке и отсутствуют в Я1 (категория рода, предлоги при немецко-турецком языковом контакте, артикль при немецко-русском языковом контакте).

Объективными факторами интерференции оказываются случаи несоответствия определённых грамматических категорий в Я1 и Я2. Избыточность в маркировании грамматических категорий в немецком языке представляет значительную сложность для говорящих с турецким Я1. Порядок

слов в предложении в немецком языке является обширной областью для проявления интерференции у говорящих и с турецким, и с русским Я1.

Данные формы интерференции реализуются в реальной речевой практике, то есть в дискурсе как «речи, погружённой в жизнь» и «жизнью» обусловленной. Мы определяем дискурсивные практики как «способ говорения» в определённой социальной области, который отражает жизненный опыт, знания участников коммуникации. Тот или иной «способ говорения» обусловлен лингвокультурными установками общества. При этом, поскольку в дискурсивных практиках иммигрантов интерферируют две языковые системы, обусловленные стоящими за ними культурами, мы вправе говорить об интердискурсивном характере этих практик. Уровень лингвокультурной адаптации выражается через дискурсивные практики говорящих, и, таким образом, можно сделать вывод о корреляции определённых особенностей дискурсивных практик иммигрантов (степень и качество реализованной интердискурсивности) с уровнем лингвокультурной адаптации и выбираемыми иммигрантами стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения.

Особенности дискурсивных практик иммигрантов позволяют говорить о выделении таких новых языковых образований, как этнолект, мультиэтнолект и социодialekt. Этнолект в широком смысле мы вслед за Й. Андруцопулосом определяем как разновидность языка, на которой говорят представители определённой этнической группы [Androutsopoulos http]. В узком и актуальном именно для современной Германии смысле, этнолект – это языковой стиль, с которым ассоциируют себя сами носители и/или с которым в обществе ассоциируется одна или несколько ненемецких этнических групп [Auer http]. Если тот или иной вариант языка используется людьми различного происхождения, и если в нём угадывается влияние разных языков, то такой вариант языка определяется как мультиэтнолект [Androutsopoulos http]. Для обозначения варианта русского языка, характерного для русскоязычных иммигрантов в Германии, мы используем термин «социодialekt» вслед за В.В. Ждановой [Жданова 1999]. Мы определяем социодialekt как разновидность языка, употребляемого в качестве средства общения лицами, связанными, с одной стороны, тесной территориальной, с другой стороны, социальной общностью.

В третьей главе диссертации «Языковые варианты как инструмент лингвокультурной адаптации иммигрантов в современной Германии» последовательно рассматриваются характеристики немецко-турецкого языкового контакта и немецко-русского языкового контакта. Специфика немецко-турецкого языкового контакта раскрывается в рамках дискурсивных практик первого, второго и третьего поколения турецкоязычных иммигрантов. Немецко-русский языковой контакт был проанализирован на основе дискурсивных практик первого поколения русскоязычных иммигрантов. Второе поколение данной группы иммигрантов оказывается полностью интегрированным в немецкую лингвокультуру.

Немецко-турецкий языковой контакт в среде иммигрантов первого поколения находит своё выражение в таком языковом варианте, как «язык рабочих-гостей» (далее – ЯРГ). С одной стороны, ЯРГ представляет собой неполноценную стадию освоения немецкого языка, с другой стороны, в этом языковом варианте прослеживается значительное интерферентное влияние Я1. К грамматическим особенностям ЯРГ относятся следующие: 1) выпадение артиклей: *sie kriegen schon eh abrechnung* вместо *eine Abrechnung*; 2) ошибочный выбор или пропуск предлогов: *ich war beim bank* вместо *auf der Bank*; *ich hab schon eh bank überweist* вместо *zu der Bank*; 3) ошибочное образование флексий: *überweist* вместо *überwiesen*; 4) нарушение согласования артикля и существительного, связанное с ошибочным установлением рода существительного: *ich war beim bank* вместо *ich war auf der Bank* (Gförer, Wallraff [http](http://)).

С лексической точки зрения для ЯРГ характерен ограниченный словарный запас, обусловленный узким кругом социальных действий иностранных рабочих: изъясниться с работодателем относительно рабочего процесса и условий труда, понять и быть понятым в банке, магазине. При недостаточном словарном запасе распространение получает замена многих глаголов конструкцией «machen + существительное». ЯРГ является показателем неуспешной лингвокультурной адаптации и соотносится с такими стратегиями, как «сепарация» и «бегство», а также с антиассимилятивным типом культурно-речевого поведения.

Среди представителей второго и третьего поколения иммигрантов немецко-турецкий языковой контакт реализуется в форме следующих языковых образований: немецко-турецкий этнолект (далее – НТЭ), «Канак шпрак» и киц (Kiezdeutsch).

Немецко-турецкий этнолект имеет следующие стадии развития: первичный, вторичный, третичный этнолекты и деэтнизация этнолекта. НТЭ в своей первичной форме использовался молодыми людьми турецкого происхождения. Носители этнолекта ассоциировались с ярлыком «проблемная молодёжь». В качестве грамматико-синтаксических особенностей этнолекта выделяются следующие: 1) выпадение артиклей; 2) выпадение предлогов, часто вместе с артиклем в обстоятельствах места; 3) употребление ошибочного предлога по норме разговорного немецкого языка; 4) отклонения в порядке слов и др. В качестве дискурсивных маркеров данного языкового варианта выступают слова: *verstehsdu*, *h(ey) Alter*, *krass*, *voll korrekt*. Перечисленные характеристики имеют место в следующих примерах:

«*Schiwesta, bin isch Türke, hab isch türkisch Bulut, ist Schiprache von türkisch Kollege und mir*» (Akyün 2005: 129);

«*Hey Schiwesta, was macht mein süße Nichte? Alles korrekt bei ihr?*» (Akyün 2008: 201);

«*wenn wir überhaupt Hochzeit gehen*» (пример из [Auer [http](http://)]);

«*das Geilste wär Auto nach Türkei bringen*» (Там же).

Приведённые примеры также демонстрируют фонетико-фонологические характеристики НТЭ, выраженные графически: замена глухого нёбного

фрикативного [ç] глухим шипящим [ʃ], а также приём эпентезы – «разбавление» сочетаний согласных звуков гласными (*Schiwesta* вместо *Schwester*, *Bulut* вместо *Blut*). Последняя особенность связана с полногласностью, характерной для турецкого языка. Подобное разбавление является результатом интерферентного воздействия турецкого языка и часто наблюдается в речи первого поколения турецких иммигрантов – носителей ЯРГ.

Вторичный (медийный) этнолект представляет собой пародирование немецко-турецкого этнолекта в медийном пространстве (комедийных телепередачах, скетчах дуэтов «Мундштуль», «Эркан и Штефан», развлекательных фильмах). За данным стилем говорения закрепилось обозначение «Канак шпрак». В «Канак шпрак» прослеживаются те же особенности, что и в первичном немецко-турецком этнолекте: замена глухого нёбного фрикативного [ç] глухим шипящим [ʃ] (*gleich, isch*); выпадение артиклей (*Nehm isch Handy* вместо *ich nehme ein Handy*); выпадение предлогов и артиклей в обстоятельствах места (... *wir geh'n disco* вместо *in die Disco*); выпадение флексий (*Ruf isch mein Pitbull an!* вместо *Ich rufe meinen Pitbull an*); нарушение согласования формы глагола с существительным (*Bevor Bullen kommt* вместо *Bevor die Bullen kommen*); нарушение порядка слов (*Besser wir geh'n disco* вместо *Gehen wir lieber in die Disco*); частое употребление характерных дискурсивных маркеров: *Ey!*; *Ich schwö' dir*; *Vaschtehs du?*; *Voll krass*; *Dem is korrekt* (<http://garbersgazette.de/werbung-ethnoлект-oder-bin-ich-urlaub>). К характерным чертам медийного этнолекта, отсутствующим в первичном этнолекте, относятся следующие: замена личных местоимений и местоимения *das* на *dem*: «*Dem is gleich tot*»; «*Dem is korrekt*»; замена местоимений *das* на *den* (особенность, используемая участниками дуэта «Мундштуль»): «*Den is so schnell ich kann nur schätze*» (Пример из [Auer [http](http://)]).

Ассоциирование «Канак шпрак» с агрессивностью лежит в основе использования элементов третичного этнолекта немцами как средства выражения конфронтационных стратегий речевого поведения. Таким образом, элементы «Канак шпрак» становятся частью дискурса конфликта (агонального дискурса). Следующий фрагмент демонстрирует употребление этнолекта молодым немцем как средства реализации конфронтационной стратегии:

«*Was du wollen, ich Türke. Du wollen Stress? Ich holen meine Brüder und dann Du haben Stress, Du deutsch Nazi-Sau. Dann Du haben große Stress!*» [Auer [http](http://)].

Примечательно, что употребление этнолекта является сознательным выбором его носителей при владении нормой разговорного немецкого языка, т.е. происходит отказ от лингвокультурной адаптации. Функции этнолекта включают выражение групповой идентичности и определённого стиля самопрезентации. Первичный НТЭ и «Канак шпрак» мы ассоциируем с кризисом лингвокультурной адаптации и выбором таких стратегий аккультурации, как «маргинализация» и «борьба». Для носителей этих языковых вариантов характерен антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения.

Процесс деэтнизации этнолекта связан с развитием мультиэтнолекта киц (Kiezdeutsch). В основе формирования мультиэтнолекта лежит влияние нескольких языков и использование его представителями разных этносов. Мультиэтнолект киц развился в многонациональных районах больших городов Германии и употребляется молодыми людьми различного происхождения, в том числе немцами. На фонетико-фонологическом уровне для мультиэтнолекта киц характерны следующие особенности: произношение глухого шипящего [ʃ] на месте глухого нёбного фрикативного [ç]: «*okeh isch übertreibe? dann hab isch sie einfach geblockt*» (Пример из [Wittenberg, Paul [http](http://)]); апикальное произношение согласной [r] в начале слогов (нерегулярно, как средство ассоциирования с первичным НТЭ при затрагивании криминальных тем); невокализированное произношение согласного [r] в конце слогов; редуцированное произношение аффрикаты [ts] до [s] или [z] [Androutsopoulos [http](http://), Bücker 2007: 34, Wiese 2012: 37-38].

Грамматико-синтаксическая специфика мультиэтнолекта киц во многом обусловлена следующими особенностями:

- 1) выпадение предлогов и артиклей «*Heute muss isch Solarium gehen*» вместо *Heute muss isch ins Solarium gehen*;
- 2) выпадение флексий «*...aus mein Land*», «*Ich frag mein Schwester*» вместо *aus meinem Land, Ich frag meine Schwester*;
- 3) выпадение глагола-связки sein: «*Ja, ich aus Wedding*» вместо *Ja, ich bin aus Wedding*;
- 4) слияние устойчивых фраз и употребление их в качестве дискурсивных маркеров (lassma от *lass (uns) mal, musstu* от *musst du, ishwör(e) om ich schwöre*): «*Lassma Moritzplatz aussteigen*»; «*Musstu Doppelstunde fahren*»; «*Ischwör, Alter, war so*»;
- 5) активное употребление частицы so в качестве дискурсивного маркера выделения фокуса предложения: «*Ich mag so Wasserpfeifeladen*»;
- 6) употребление новых устойчивых глагольно-именных сочетаний: «*Machst du rote Ampel*» вместо *Du gehst bei „rot“ über die Straße*; «*Hast du U-Bahn?*» – «*Nee, ich hab Fahrrad*» вместо *Fährst du mit der U-Bahn. – Nein, mit dem Fahrrad*; «*Wir sind jetzt neues Thema*» вместо *Wir besprechen jetzt ein neues Thema*;
- 7) отклонение от стандартного порядка слов в повествовательных предложениях: «*Ich wollte heut zu C & A gehen, wollt mir ein T-Shirt kaufen, danach ich muss zu mein Vater*» вместо *... danach muss ich zu meinem Vater*; «*Irgendwann in Schule isch fang an zu schlafen, ischwöre*» вместо *Ich fang an zu schlafen irgendwann in der Schule* (примеры из [Auer [http](http://)], http://www.kiezdeutsch.de/jugendsprache2008/Jugendsprache2008_.pdf, <http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>).

Эти грамматические особенности мультиэтнолекта киц прослеживаются и в речи юных немцев: выпадение артикля: *Italienisch ist ja fast gleich wie Spanisch, auch so, aber andere Sprache*; выпадение предлогов и артиклей или их замена на частицу-дискурсивный маркер so: *die geht so Laden rein; dann bin ich*

Gymnasium zwei Jahre gegangen; выпадение местоимения *es*: *weil ich hör die und die haben mir beigebracht* (о выучивании турецкого); нарушение порядка слов: *ama so, weil manche türkische Leuten, die können überhaupt kein Deutsch*; ошибки при образовании флексий в зависимости от рода: *aber der eine wollte doch deutsche Geld haben*; употребление заимствований из турецкого: *Ama* (с тур. но) *so, weil manche türkische Leuten...* (Примеры из [Auer URL]).

На лексико-семантическом уровне самой яркой особенностью мультиэтнолекта киц являются заимствования из турецкого и арабского языка. Основными группами заимствований являются обращения, фразы приветствия, прощания, междометия и экспрессивные выражения: *lan* (тур.) – человек; *moruk* (араб. / тур.) – аналог русск. *чувак*; *canim* (тур.) – дорогой, любимый; *aşkim* (тур.) – любимый; *hadi* (тур.) – аналог русск. *убегаю!*; *kib* – (в письменной коммуникации) сокращение от тур. *kendine iyi bak* – береги себя; *vay* (араб. / тур.) – ой!, ах!; *wallah* (*yallah*) (араб. / тур.) – ей-богу!, видит бог!:

«*Und da stand er und hat mir seine Hand gegeben. Wallah*» (<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>);

«*Ey, rockst du, lan, Alter*» (Там же);

«*vaaaaay ne is alles klar moruk was treibst du so alles gute nachträglich*» (Пример из [Wittenberg, Paul <http://>]);

«*bin heute erst wieder gekommen konnte dir leider nicht vorher schreiben naja hadi kib bye*» (Там же).

Важной характеристикой мультиэтнолекта киц на лексико-семантическом уровне является стремление носителей употреблять определённые слова в значении, не являющимся базовым в разговорном немецком языке. Например, слово *Vogel* употребляется носителями мультиэтнолекта в значении «странный человек», «придурок»: «*bei mir nich viel außer heute morgen, da war son komischer vogel, der mir kinogutscheine angedreht hatte*» (<https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/4712/file/isis14.pdf>).

Мультиэтнолект киц, с одной стороны, представляет собой форму лингвокультурной адаптации второго и третьего поколения турецких иммигрантов в Германии. Признаками контактного языка являются такие характеристики киц, как грамматические редукции, упрощения, заимствования из Я1 или языков исторической родины (турецкого, арабского). С другой стороны, функции киц выходят за пределы контактного языка. Мультиэтнолект становится молодёжным сленгом, характерным для районов с мультиэтническим населением, определяя дискурсивные практики молодых людей, в том числе немцев. В качестве молодёжного сленга киц демонстрирует англицизмы, креативность, в результате которой возникают новые языковые образования.

Языковой вариант киц в качестве формы лингвокультурной адаптации можно соотнести со стратегией «интеграции» по Д. Берри и «гибкости» по К. Додду. В соответствии с этими стратегиями находится компромисс между поддержанием своей этнокультурной идентичности и стремлением выстроить конструктивные отношения с принимающим сообществом.

На основе немецко-русского языкового контакта были выделены два языковых варианта: немецкий язык русскоязычных иммигрантов и немецко-русский русский. Оба варианта характерны для первого поколения иммигрантов. Второе поколение русскоязычных иммигрантов в Германии не использует языковые варианты, которые были бы основаны на смешении.

Русскоязычные иммигранты демонстрируют определенные навыки владения Я2. Для данного языкового варианта характерна фонетическая интерференция, а также грамматическая интерференция в виде недодифференциации и реинтерпретации языковых элементов. Грамматическими особенностями немецкого языка русскоязычных иммигрантов являются следующие: 1) выпадение артиклей (*Das auch Geschmack von Kindheit* вместо *Das ist auch ein Geschmack von der Kindheit*; *Das ist so wie Kind macht erste Schritte* вместо *Das ist so wie ein Kind...*; *von Bäume* вместо *von den Bäumen*; *Erste Jahre* вместо *Die ersten Jahre*); 2) ошибочный выбор предлога (*in U-Bahn* вместо *mit der U-Bahn*); 3) ошибочное образование флексий (*meine Gedanke* вместо *mein Gedanke*; *bis zum letzte Pusten* вместо *bis zum letzten Pusten*; *Erste Jahre war* вместо *Die ersten Jahre waren*); 4) выпадение глагола-связки (*Das auch Geschmack* вместо *Das ist auch ein Geschmack*); 5) нарушение порядка слов в сложноподчинённом предложении (*...kleine Kinder, die sprechen Deutsch* вместо *...kleine Kinder, die Deutsch sprechen*) (https://www.youtube.com/watch?v=x9C7LF8s_Gc).

Немецко-русский русский служит средством адаптации к новой среде, способом посредничества между родным русским языком и миром немецких реалий. НРР используется только среди русскоязычных иммигрантов первого поколения, являясь важным признаком групповой принадлежности. Имеющий в основе морфологическую структуру русского языка, НРР включает большое количество немецких заимствований.

Полные, частичные и гибридные заимствования, представляющие собой непосредственное языковое смешение немецкого и русского языков, выполняют номинативную, актуальную и экспрессивно-стилистическую функцию в речи говорящих. Номинативная функция заимствований в НРР заключается в том, что одной из первостепенных причин заимствований является необходимость называть новые предметы и явления социокультурной сферы:

«...все намного упрощённое чем везде написано, термин главное к нотариусу иметь, и желательно пораньше, все остальные окна можно и без термина!» (Termin – назначенная встреча по записи, срок, дата, просто встреча) (Германия по-русски <http>).

Актуальная функция употребления заимствований обусловлена высокой коммуникативной востребованностью определённых понятий и явлений в новой лингвокультурной среде:

«...Бераторша сказала, ой, ну что Вы, через недели 3 будет уже готово» (Beraterin – женщина-консультант) (Германия по-русски <http>).

Экспрессивно-стилистическая функция употребления заимствований заключается в том, что на первый план выходит не номинативное значение немецкой лексики, а прагматические коннотации слова и отношение говорящего (часто с целью создания комического эффекта):

«- *Лишнее. В Германии вполне достаточно иметь хенди и записать туда в память номер полиции. Просто и безопасно (и в смысле закона тоже).*

- *Представь, твою жену грабят, а ты стоишь как ... и дрыкаешь хенди» (das Handy – мобильный телефон, drücken – нажимать) (Германия по-русски [http](http://)).*

В данном диалоге второй говорящий использует немецкие лексемы для составления фразы «хэнди дрыкать» – нажимать кнопки мобильного телефона. Само слово «дрыкать» звучит комично для носителей русского языка. Используя эту фразу, второй говорящий насмехается над предложением первого, подчёркивая абсурдность совета в случае опасной ситуации. Примечательно, что в немецком языке лексемы *drücken* и *Handy* не употребляются вместе с прямым управлением. Их совместное употребление возможно с предложным управлением, например, *auf dem Handy drücken*. Таким образом, можно сделать вывод, что носители НРР креативно используют ресурсы немецкого языка, создавая новые устойчивые словосочетания.

Широкое распространение в НРР приобретает калькирование немецких выражений с глаголом *machen*. Часто калькируется сочетание глагола *machen* с существительными: *делать матрикуляцию* нем. *Immatrikulation machen* – подавать документы на зачисление в высшее учебное заведение: «*И в университете в новом семестре матрикуляцию не сделала...» (Германия по-русски [http](http://)).*

НРР базируется на грамматической основе русского языка, однако в данном социодialeкте встречаются специфические грамматико-синтаксические характеристики, обусловленные интерферентным влиянием немецкого языка: построение утвердительно-вопросительной конструкции со словом *или* от нем. *oder*, распространённой в разговорном немецком языке: «*ты уж там поосторожней, всё таки в туркай находишься, или?*» (аналогично русск. *не так ли?*) (Германия по-русски [http](http://)); употребление обстоятельств, выраженных наречиями, вместо эквивалентных по смыслу русских предложно-падежных конструкций: «*Вы легко найдёте его (общезитие) – это центрально*» (пример из [Жданова 1999: 29]); неверное оформление конструкции принадлежности вследствие буквального перевода предлога *von*: «*Ботинки от папы*» вместо *папины ботинки* (нем. *die Schuhe von seinem Vater*) (пример из личного общения).

Немецко-русский социодialeкт представляет собой форму поддержания этнокультурной принадлежности и способ плавной лингвокультурной адаптации.

Элементы всех перечисленных языковых образований активно используются в художественном творчестве. С одной стороны, они служат для социально-этнического маркирования героев произведений (в примерах здесь и далее полностью сохранена авторская орфография и пунктуация):

- 1) – *Du mir sagen, wo ist Puffhaus!*
 – *Du gehen bis zum Rathaus!*
 – *Nix is Rathaus, Puffhaus.*
 – *Ja, du gehen bis zum Rathaus, hinter dem Rathaus ist Puffhaus!*
 – *Viel Danke!*
 – *Viel Bitte!»* (Özdamar 2004: 148);
- 2) «*Na Schiwesta, lange nisch gesehen. Hast ja krasses Baby. Schreit ja gar nisch», sagte er und tätschelte Merves Kopf* (Akyün 2008: 188);
- 3) «*Was hast du danach mit die Auto gemacht?»*, fragte Mustafa (Akyün 2008: 192).

С другой стороны, новые языковые образования становятся ресурсами для создания художественных произведений:

- 1) «*doitsche kollega / warum du immer weggucken / warum du mir nix akzeptieren / isch nix schaiss / isch mensch / zusammen / isch arbeit du arbeit fabrik / isch leben du leben hiir / gut, du doitsch / isch auslender, / du immer sagen / isch gastarbeiter / aber isch nix gast / isch arbeit, isch kollega / zusammenarbeiten / in fabrik»* (Biondi http);
- 2) «*Блауе вагон бежит и швингает / И дер инельцуг набирает ход / А варум же этот день фершвиндает / Золь он зих хинциен целый год / Тепихом – тепихом дальний вег стелится / И упирается в блауер химелёк / Едому – едому в бессере глаубится / Ролится – ролится блауер цуганёк»* (<http://www.strannik.de/quelia/wagen.htm>).

Дискурсивные практики говорящих, формируя новые языковые варианты, позволяют развиваться системе диглоссии, которая имеет тенденцию к превращению в полиглоссию (мультиглоссию), а участвующие в процессах интерференции языки, равно как и результаты этой интерференции, начинают обслуживать разные сферы жизни иммигрантов и коренного населения. Использование элементов новых языковых вариантов становится характерным не только для людей миграционного происхождения, но и для коренного населения Германии.

В **Заключении** подводятся итоги работы, намечаются перспективы будущих возможных исследований.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях.

Публикации в рецензируемых научных журналах

1. Шахова (Ефремова) М.А. Язык иммигрантов в современной Германии: динамический аспект // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2015. – № 4. – С. 314 – 319.
2. Ефремова (Шахова) М.А. Иммиграция в современной Германии: типология коммуникативных тактик // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2015. – № 2. – С. 136 – 141.
3. Ефремова (Шахова) М.А. Билингвизм как форма лингвокультурной адаптации иммигрантов в современной Германии // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2014. – № 2. – С. 368 – 373.

Другие публикации

4. Ефремова (Шахова) М.А. Немецко-русский русский: особенности и сферы употребления // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. – С. 278–282.

5. Ефремова (Шахова) М.А. Обозначения и самообозначения иммигрантов в немецкоязычном пространстве: семантические изменения // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – С. 58–62.

7. Ефремова (Шахова) М.А. Характеристика коммуникативного стиля турецких «Powergirls» // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: Материалы науч.-практич. конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. 21 апреля 2011 г. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – С. 52–55.

6. Ефремова (Шахова) М.А., Гречушникова Т.В. Феномен «немецкого русского говора»: к проблеме языковой интеграции в современной Германии // Вестник гуманитарного института ТГУ. Спецвыпуск. Материалы междунар. науч. конф. «Диалог между Россией и Германией: «филологические и социокультурные аспекты», 14-15 мая 2010 года, г. Тольятти / под. ред. Е.Ю. Прокофьевой. – Тольятти: ТГУ, 2010. – Вып. 1(7). – С. 118–121.

8. Ефремова (Шахова) М.А. О проблеме языковой интеграции в современной Германии // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: Материалы межвуз. науч.-практич. конф. Студентов, аспирантов и молодых учёных. 22 апреля 2010 г. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – С. 111–115.